

Они, несомненно, сыграли положительную роль».

В. ПЕТРОСЯН. И сегодня вся атмосфера советского общества пронизана утверждением доброго, светлого начала в человеке. Оттого тема добра, служения человеку гуманистическим идеалам и стала сущностью нашей литературы.

П. ПРОСКУРИН. Но мы бы погрешили против истины, если бы стали утверждать, что в нашей системе воспитания — в той же школе или семье — все абсолютно благополучно и никаких проблем нет. Не зря сказано: да минует меня позорное благополучие. Я думаю, это ощущение должно быть живо в каждом человеке. Хуже всего, когда человек забывает душевную черствость, сытость...

В. ПЕТРОСЯН. Да, черствость души — самый страш-

трениками, так и наделенными большой властью. Вот, скажем, директор Северского трубного завода Олег Васильевич Танцырев. Он и вырос на заводе — сначала работал подручным сталевара, потом мастером, начальником цеха, главным инженером, теперь руководит огромным предприятием. Беседуя с ним, наблюдая его в деле, я всегда ощущал, что время вложило в этого человека душу, болеющую за все. Этот человек не винтик. Он — хозяин. Мне очень импонирует это его качество, и, признаюсь, одного из главных героев своего романа «Имя твоё» я во многом наделил чертами Олега Васильевича Танцырева.

В. ПЕТРОСЯН. Но ведь это чувство ответственности, которое так покорило вас в Танцыреве — директоре завода, на-

ЧЕЛОВЕК

нообразных взаимосвязях, отношениях со всеми слоями общества. Коснувшись этих взаимоотношений, часто весьма сложных и противоречивых, наша литература еще не готова. Мы пишем, как строится домна, реконструируется цех, вскрываем противоречия типа: консерватор-директор — прогрессист-инженер, но не более того. А показать жизнь рабочего класса во всем ее поступательном диалектическом развитии нам почему-то редко удается.

В. ПЕТРОСЯН. Разрешите, Петр Лукич, не разделять вазе-го пессимизма. Конечно, ли-

определить роль Художника, роль творца в мире, Александр Блок писал:

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической
Повествовать еще не жившим.

И, глядя в себя в ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!

Так понимал свою роль поэта, с ним можно соглашаться и не согла-

и врага не было страшнее и злее, чем эта безответная и всегда необходимая в человеческой жизни тайга. И вот уже тогда раздался мудрый голос писателя, ударившего в набат. Опомнитесь, люди, пока не поздно! — вот путеводная нить, горячий нерв романа Леонида Леонова, и теперь мы видим уже воочию, что опомниться в отношении природы давно пора, и опомниться как следует.

Вот еще пример — Российское Нечерноземье. Еще в пятидесятых годах зазвучала тревожная нота в «Районных буднях» Валентина Овечкина. Затем один за другим задало до исторического постановления по Нечерноземью появились романы, повести, рассказы Алексева, Белова, Шундика, Астафьева, Носова, Солоухина, Чивилихина. И в каждом произведении этих писателей чувствовалась тревога за положение в Нечерноземье, в деревне, в сельском хозяйстве, в природе вообще, а сегодня мы видим, что это была далеко не напрасная тревога. Разумеется, в тот момент страна не могла вложить в Нечерноземье все те силы и средства, которые отпущены сейчас, но также очевидно и то, что ущерб мог быть куда меньше. Активность нравственной позиции литературы в этом вопросе не подлежит сомнению и является добрым примером писательского вторжения в жизнь. Литература должна будить чувство ответственности всех и каждого.

В. ПЕТРОСЯН. Воспитание в человеке чувства ответственности — это, может быть, сейчас самое главное звено в той миссии, которую несет на себе литература. Скажем, многие молодые стихотворцы исписали километры бумаги стихами о том, что Севан мелеет, что Севан надо спасать и т. д. Но когда мы посмотрели, а бывал ли кто-нибудь из них на строительстве 50-километрового туннеля, прокладываемого к Севану через горы и действительно призванного спасти это уникальное чудо природы, то оказалось, что подавляющее большинство «поет и вздыхает издалека». Помочь же строителю реальным словом и делом отожжались единицы.

П. ПРОСКУРИН. Мне кажется, в том, что молодежь не всегда охотно идет на производство, к станку или на сельские работы, виноваты и мы, писатели. Кого до недавних пор воспевали и славил мы в сво-

их книгах? Летчиков, моряков, космонавтов, ну, в крайнем случае, инженеров, то есть людей так называемых престижных профессий. Поэзию же труда рядовых работников мы как-то обезличивали.

В. ПЕТРОСЯН. Но ведь задача литературы не в том, чтобы воспевать те или иные профессии. Если литература и должна чему-то учить, то прежде всего тому, как стать человеком, а не инженером или трактористом. У нас в Армении говорят: учись, чтобы стать человеком.

П. ПРОСКУРИН. Увы, сегодня нередко говорят: поступи в институт, чтобы стать человеком.

В. ПЕТРОСЯН. Как-то в одной из ереванских школ я присутствовал на встрече с выпускниками. Директор перечислил по именам многих бывших учеников школы, которые поступили в университет, в институты, в техникумы, назвал и тех, кто играет в городской футбольной команде, а потом добавил: остальные работают на наших предприятиях. Вот и получилось, что школа гордится популярными футболистами, а так называемые «остальные» для нее вроде неудачников.

П. ПРОСКУРИН. Одним словом, говорят о выдающихся личностях, а не о тех, кто прокатывает сталь, строит дома, добывает уголь...

В. ПЕТРОСЯН. Когда после революции нашей стране пришлось создавать собственные научные и инженерные кадры, технический, руководящий состав, строить современные заводы, авиацию, морфлот, без чего мы не могли существовать как великое государство, в ту пору литература призвала — идите туда-то и туда-то, становитесь инженерами, летчиками, командирами производства. И во многом в силу этого целенаправленного романтического воспитания мы на эти профессии в течение длительного времени привыкли смотреть как на престижные, как на единственно достойные того, чтобы о них слагали песни и стихи.

П. ПРОСКУРИН. Мне кажется, что и в ту пору литература не забывала о тех, кто добывает уголь и железо, растит хлеб и строит дома — вспомним «Гидроцентраль» М. Шагинян, «Цемент» Ф. Гладкова, «Бруски» Ф. Панфорова, «Людей из захолустья» А. Малышкина. Разумеется, если не

ЕДИНИЦА И ОПОРА

считать, что тогда на работе шахтера или гидростроителя лежал отпечаток революционного энтузиазма, — мир и человека, казалось, можно перестроить и переделать немедленно. С тех пор в обществе многое изменилось. Появились и новые престижные профессии, но поэзия труда рядового человека, не мирового революцию совершающего (это ведь совсем другое чувство!), а просто исполняющего свой долг, свои ежедневные обязанности — нами по существу не раскрыта.

Я говорю, не раскрыта, если подходить с самыми высокими эмоциональными и духовными категориями. А ведь, собственно, они, эти категории, и определяют духовные вершины достижений человечества. Здесь никакая НТР не поможет.

В. ПЕТРОСЯН. Но тогда, наверно, и не о поэзии труда надо вести речь. А просто о долге и о деле...

П. ПРОСКУРИН. Может быть. Порой именно литература являет пример такого отношения к жизни, которое можно обозначить только одним словом: долг. Русская советская проза последнего десятилетия, обратившись в своем творчестве к крупным и героическим характерам, многого достигла. По-настоящему эпический образ революционера, коммуниста, крупного руководителя производства создал, например, в своем многоплановом романе «Вечный зов» А. Иванов. Это образ Антона Савельева. Через подлинно высокую трагедию приходит этот человек к познанию и обретению себя.

В. ПЕТРОСЯН. Можно вспомнить еще и старуху Анну из повести Распутина «Последний срок». Прожив трудную и не очень уж радостную жизнь, она благодарна тому, что родилась, что жила и рожала детей, растила хлеб! Не в этом ли нравственное величие личности прекрасной русской женщины-матери!

П. ПРОСКУРИН. Да, это действительно русский национальный характер...

В. ПЕТРОСЯН. Я думаю, что здесь следует вести речь о советском характере в целом. Ведь, скажем, Федя Угрюмов из романа М. Алексеева «Ивуш-

ка неплакучая», как и Анна, кроме того, что они — русские, еще и советские люди, люди, воплощающие собой советский характер. И как в годы социалистического строительства и войны, так и сегодня каждый народ, населяющий нашу страну, вносит что-то свое в этот характер. (При этом я не склонен самообольщаться. Не всякая традиция хороша и не всеми чертами какого-то народа надо восхищаться. От чего-то устарелого, отжившего свое не грех и отказаться.) Я могу назвать армянских прозаиков С. Ханзадяна, Г. Матевосяна, М. Саркисяна, М. Галсояна, З. Халафяна, П. Зейтуняна, Г. Аршакяна, которые каждый по своему разрабатывают разные аспекты взаимоотношений личности и общества. Каждый в своей стихии добавляет свой камешек, свою краску в мозаику образа нового человека.

П. ПРОСКУРИН. У меня не выходит из головы, Вардгес Амазаспович, образ окаменевших армянских девушек из вашей новой повести «Армянские эскизы». Девушки не дожидались своих парней с дорог войны и окаменели от горя у родника. И кувшины остались стоять рядом — тяжелые, полные камней... И дальше вы пишете: «Есть и окаменевшие девушки у родника, и ребята, оставшиеся лежать на дорогах войны, и село — одно из многих армянских сел. У людей здесь грубые, мозолистые руки... Они часто забывают даже взглянуть на Арарат, в жизни прочли всего несколько книг, а вот задумали же построить такой памятник своим погибшим сыновьям!»

Разве этот пример — не высшее проявление нравственности, очищающей духовности народной души! Я не видел этого памятника, зато видел много других, в которых душа Армении запечатлена не менее выразительно. Видел и сельские кладбища, где похоронены целые династии сельских кузнецов. На протяжении столетий они занимались одним ремеслом, причем самым простым, незамысловатым, но необходимым, как хлеб, как воздух. Вот где нужно брать уроки нравственности! А ведь сейчас такие молодые люди, бывает, не берегут чести своей профессии. Поработал несколько месяцев — уволился, перешел на другое предприятие, еще поработал — снова уволился — подумавшись, рабочая честь!

П. ПРОСКУРИН. При этом я подчеркнул бы, что к вопросам воспитания надо подходить диалектически. Мы привыкли воспитывать наших детей, так сказать, на примерах положительных, на героях идеальных. И это ведет порой к

в другом месте возьмут. И ведь что самое обидное — берут! А ему, такому летуну, «волчий» бы билет в зубы, пусть бы походил с ним. И другим было бы неповально, и ему — наука.

В. ПЕТРОСЯН. Надо учить не только азбуке и таблице умножения, древней и новой истории, надо учить человечности. Есть в письмах Н. А. Некрасова к А. Н. Толстому потрясающие строки: «Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора. Рассматривайте себя как единицу — и Вы придете в отчаяние. Вот основание хандры в порядочном человеке — думайте, что и с другими происходит то же самое, и спешите им на помощь».

П. ПРОСКУРИН. Может, я стучу краской, но мне кажется, что сейчас не во всех школах царит атмосфера подлинной духовности. Главная беда — на уроках литературы детей не всегда учат мыслить, не всегда воспитывают интерес к жизни души, им зачастую сообщают лишь некоторые фактические данные.

В. ПЕТРОСЯН. У нас в Ереване мы (не без участия Союза писателей Армении!) добились в трех-четыре школы введения факультативного курса литературы. И результаты самые неожиданные. Опросы показали, что школьники больше всего читают сейчас современную литературу.

Я считаю, что с первых шагов нашей сознательной жизни литература преподает нам великие уроки нравственности.

П. ПРОСКУРИН. Я бы сказал, высокие нравственные принципы русской литературы находили свое выражение прежде всего в стремлении ее великих художников обратить внимание общества на положение народа, выявить зарождавшиеся в обществе и народе прогрессивные движения.

В. ПЕТРОСЯН. Эту великую миссию классической литературы, довести до нашего молодого поколения должна прежде всего школа.

П. ПРОСКУРИН. При этом я подчеркнул бы, что к вопросам воспитания надо подходить диалектически. Мы привыкли воспитывать наших детей, так сказать, на примерах положительных, на героях идеальных. И это ведет порой к

прекраснодушию, к тому, что, столкнувшись в реальной жизни с отрицательными явлениями, а то и с активным злом, недавний школьник терзается, пасует. Ведь воспитывает не только добро, а, так сказать, и зло. Хотя бы тем, что мы учимся противостоять ему. И есть писатели, умеющие выпукло изображать это зло. Я бы назвал их художниками с горьким, злым талантом.

В. ПЕТРОСЯН. Злого таланта не признаю. Талант всегда добр. Талант даже из собственных страданий (а у писателя должна быть не только человеческая биография, а также биография страданий) рождает свет, помогает людям верить и жить.

П. ПРОСКУРИН. И все же с помощью одного добра в нашем современном прекрасном и яростном мире мало что сделаешь... И для художника видеть в жизни одно доброе и светлое — недостаточно. Есть такие таланты, которые легче и увереннее себя чувствуют в сфере изображения отрицательных, негативных явлений. Я понимаю, что это не магистральное направление в нашей литературе, оно и не может быть магистральным, но без книг такого рода нельзя. Это как суп без специй, без перца — неукусно. Талант художника универсален, и воплощение его также может быть весьма многообразным. И бояться нам следует не того, что тот или иной художник талантливо обличает зло, а холодного, бездушного мастерства, с которым пишется порой о дорогах для нас понятных.

В. ПЕТРОСЯН. Но разве может мастерство существовать отдельно от таланта?

П. ПРОСКУРИН. Есть такое «мастерство». Навалят в кучу блестящих бездельшек, каждая блестящий алмазным блеском, но не греют они читателя, потому что холодные и бездушные.

В. ПЕТРОСЯН. Вы говорите о так называемой «химической», «сделанной» литературе, где все элементы присутствуют в реакции, но нет страдания правды. И поэтому в итоге рождается не литература, а литературный продукт, схема, полубабкарикат.

П. ПРОСКУРИН. Я говорю о писателях, которые хотят ро-

дить литературу только из себя. А литература может родиться только из народа и вместе с народом.

Большинство наших крупных писателей — и старых, и новых — прошли огромную школу жизни — революцию, патристиче, войну, послевоенную разруху...

В. ПЕТРОСЯН. Они прошли это не как писатели.

П. ПРОСКУРИН. Да, они прошли это как участники жизни — бойцы, строители, работники, и они не могли выйти из горнила битв с холодным сердцем. Можно назвать Бондарева и Быкова с их военным опытом, Г. Конявлова с его большой жизненной биографией. И как раз писатель, который пережил с народом все его беды и страдания, несет в себе совесть народную.

А совести научиться нельзя, как нельзя, скажем, и совершить подвиг, если для этого нет внутри духовного заряда, определенного нравственного потенциала. И этим человек утверждает свое нравственное, духовное начало.

Мы живем в такое время, когда в нашей стране существует идеологическое и духовное единство многих народов, у которых общий путь, общие идеалы, общее будущее. Я думаю, что это и будущее всей земли, всех народов.

В творчестве писателей Петра Проскурина и Вардгеса Петросяна легко проследить тему формирования характера советского человека, который вбирает в себя все лучшее из национальных традиций и вместе с тем несет в себе совершенно новые черты, воспитанные в нем атмосферой социалистического общества, в том числе и литературой.

ДИАЛОГ

Петр ПРОСКУРИН —

Вардгес ПЕТРОСЯН

П. ПРОСКУРИН. Если говорить о роли литературы в нравственном воспитании человека и общества — а мы так определили тему нашей беседы, — то, наверно, не обойтись без обращения не только к литературным примерам, а и непосредственно к жизни.

В. ПЕТРОСЯН. Такова уж атмосфера нашего общества. Материальное у нас помогает созиданию духовного, но и духовное, то есть нравственные ценности, в свою очередь оказывает значительное влияние на дела реальные.

П. ПРОСКУРИН. И вся история советской литературы подтверждает это. А. И. Брежнев в своей книге «Целина», рассказывая о великом народном энтузиазме, с которым осваивались целинные земли, отмечает вместе с тем вклад в это дело писателей и других представителей художественной интеллигенции: «Мы пригласили в Алма-Ату М. А. Шолохова, Л. М. Леонова, Камилу Яшену, Мирзо Турсунзаде, Максима Танка и других известных писателей. Частыми гостями целины стали после этого композиторы, актеры, художники, публиковались очерки и повести о битве за хлеб...

ный из пороков. Великий Аветик Исаакян писал еще в 1903 году:

И я вам говорю
Придет голод души,
И вы будете голодать
У обильных столов,
Вы будете тосковать
По огненному слову...

П. ПРОСКУРИН. Лучше не скажете! Сытость души, если она вдруг обнаруживается, прежде всего на совести литературы, на нашей совести. Как у вас, Вардгес Амазаспович, в рассказе «Длинная ночь и короткое утро», помните?..

«...И никто не научил нас понимать печаль ближнего, слушать молчание, страдать, не роняя собственного достоинства». И дальше: «Самое главное мы должны постичь только ранами собственного сердца». Вот чем должна заниматься литература. Воспитывать человека в человеке, воспитывать в человеке чувство ответственности. Когда я работал над романами своей дилогии «Судьба» и «Имя твоё», мне пришлось немало поездить по стране — был я и на Смоленщине, и в Сибири, на Волге, Урале. Встречался с десятками, сотнями людей — как рядовыми

до полагать, живет и в каждом рабочем Северского завода? Рабочий чувствует свою ответственность за страну в той же степени, что и министр. Только масштабы разные. Вот и все.

П. ПРОСКУРИН. Дело здесь даже не в масштабе, а в ощущении себя равноправным членом общества, государства. И еще — в степени активности, желании послужить общему благу, стремлении противостоять злу, которое, конечно, не переставало и у нас.

В. ПЕТРОСЯН. Зло-то уж, конечно, не дремлет.

П. ПРОСКУРИН. Вот именно. Потому к этому вопросу надо подходить диалектически. Художник, отображая жизнь, должен стремиться к воплощению сложных, диалектически развивающихся коллизий, характеров. Почему многие наши книги, посвященные теме рабочего класса, выглядят художественным отражением реальных жизненных ситуаций? Рабочий класс — гегемон, и на него возложена колоссальная историческая ответственность. Но, по диалектике, тот, кто несет наибольшую ответственность, находится в неисчислимых раз-

татура всегда будет в долгу перед человеком труда. Может, не всегда нам удавалось достойно, на высоком художественном уровне отображать жизнь современного рабочего, инженера, но хорошие произведения есть. «Сталевары» Г. Бокарева, «Премия» А. Гельмана, «Неопубликованный репортаж» Р. Ибрагимбекова — разве они решают только технические, производственные проблемы? Разве там нет столкновения человеческих характеров? Или возьмем прекрасный роман армянского писателя С. Ханзадяна «Каждый» — это истинная драма характеров. И в образе и судьбе его главного героя запечатлена победа нравственных начал нового человека, он выигрывает бой, и в первую очередь с самим собой. Повторяю, нам очень многое предстоит сделать. Но и сделано немало.

П. ПРОСКУРИН. И все же мне думается, что, несмотря на отдельные успехи, литература о рабочем классе еще не достигла своего зенита. В основном это пока литература факта. А ведь есть еще и литература предчувствия, литература предвидения. В свое время, пытаясь

шатся, но то, что литература предчувствия есть и существует, — неоспоримо. И наша литература, идущая в главном русле требований жизни, должна опережать время.

Литература предчувствия, литература предвидения рождает не только и не столько талантом того или иного писателя, сколько состоянием народной души. Ведь истинный писатель является прежде всего выразителем именно еще неясных и неоформившихся движений народной души, и выражает он это через образы своих героев. «Книга скорби» Нарекаки — блестящий тому пример. Его гениальные монологи, прозвучавшие еще в Х веке, в которых запечатлены все скорби, все несовершенство мира, поразительно переключаются с мятущейся душой Федора Достоевского. А Михаил Булгаков? Прошло лишь сорок лет, и он властно вошел в нашу духовную жизнь. Здесь стоит вспомнить и «Русский лес» Леонида Леонова, созданный в те, слава богу, уже далекие времена, когда наша печаль была полна призывов к самой беспощадной войне с тайгой. Если поднять газеты тех лет, то можно подумать, что у нас

и врага не было страшнее и злее, чем эта безответная и всегда необходимая в человеческой жизни тайга. И вот уже тогда раздался мудрый голос писателя, ударившего в набат. Опомнитесь, люди, пока не поздно! — вот путеводная нить, горячий нерв романа Леонида Леонова, и теперь мы видим уже воочию, что опомниться в отношении природы давно пора, и опомниться как следует.